

Ленинград 2

1

Здравствуйте многоуважаемая Ольга Васильевна.  
С большим волнением читал Ваше письмо, переписан-  
ное моим братом. В письме Вы просите меня  
описать все события произошедшие на линкоре  
"Новоросси́ск" в концы и после взрыва корабля...  
"Боже мой!... Да я, с радостью выполню Вашу  
просьбу. Ведь вот уже минуло 33 года как я пишу  
в себе эти воспоминания. Я фаталист и верю, что  
наступит время, когда люди захотят узнать  
всю правду о тех, кто членом собственной армии  
выполнил свой воинский долг до конца. Однажды,  
в 1957 году, когда я находился в госпитале города  
Тюль, меня посетил бывший майор Иван Линкор  
капитан второго ранга Тихоненко, который  
собирал материал для написания "Новоросси́-  
ской эпопеи". Он обратился ко мне с аналогично  
просьбой, и я в силу тогдашних своих способно-  
стей выполнил его просьбу. Но вышло не по вре-  
мени и не по его воле (так я думаю) тем  
и наши надежды не сбылись. Нужно было прожить  
еще долгие 33 года, пока страна не войдет  
в новую эпоху и появится возможность поведать  
людям всю правду о той трагической ночи...  
Все эти годы я искал возможности самому предпри-  
нять попытку опубликовать те события,  
которые не давали мне покоя все эти годы, но  
неверие в свои способности писать для прессы  
и не имея <sup>интересов</sup> <sup>своего</sup> <sup>интереса</sup> в той же прессе, приходилось  
все откладывать и откладывать до лучших времен  
и Ваше письмо дало мне моральное право писать  
о тех, кто был в трудную минуту рядом со мной и  
о тех, кого уже нет с нами. Я помню почти все фамилии  
моих друзей и командиров, я помню их облик, я помню  
Вас Ольга Васильевна... Это случилось, каждый, в тот

день, когда погиб Ваш муж. Вы пришли в учебной  
эскадре на корабельной стороне. Вероятно, в честь  
судьбы Вашего мужа и нашего командира Э.Т.А.  
Майкусевица. Но все, кто знал его, проважали Вас  
взглядом, а по цетовке молчаливо передовалось...  
это фрега нашего кап-3. И тогда же мы узнали,  
что у вас двое детей.

Будто более 20 лет лей назад, я с фрегой и сотом,  
которому было тогда лейв, приехали в Севасто-  
поль на празднование дня Военно-морского  
Флота. В этот же день мы посетили кладбище  
на северной стороне и под миссией убитовлен  
памятник-мемориал погибшим морякам с  
микро "Новороссийск". Меня поразила одна  
деталя в скульптурной группе мемориала.  
Это фрагмент, где офицер руководит матро-  
сам, ведущим борьбу за живучесть корабля.  
В офицере я увидел мощную копию нашего  
командира Майкусевица и, возможно, я оши-  
бался, но сходство невероятное. Я показал его соту  
и сказал: "Володя, смейся, ведь это мой ко-  
мандир - наш кап-3". И тогда с волей я поведал  
и показал своим, о той ирагедии, которая  
развернулась в ночь с 28 на 29 октября 1955 года.  
~~Вы помните мне неужели, Ваш муж~~  
~~похоронен на кладбище 61-го коммунара?~~

Ваш муж и мой командир остались в моей  
памяти такими... сдобавили с красивой муже-  
ственностью лицом, всегда спокойным и уверенным  
в себе человеком, и очень аккуратным. В нем было  
все красиво: и как он отдавал команду, не повысив  
голоса, и как на нем сидела форма, и как он ходил.  
Мы, тогда еще молодые люди, старались во всем подходить  
на него. Помню был случай, когда я в него провалился,

о чем мой командир инженерный мотористов старшина 2-ой статьи Александр Шматов доложил Майкуевичу в мое присутствие и доложил доканье, ждал немедленного наказания, но он повернулся в мою сторону и как мне показалось долго смотрел мне в глаза, о чем то раздумывая. После чего повернулся, ничего не сказав, ушел. Я долго после этого казнил себя, задавая один и тот же вопрос самому себе... Ну почему он не наказал меня? Ну почему? Неужели я такой "шлымазл" (аналогичн. невезучий) что даже незамужнего наказали.

Мы долго стояли на приколе, производя (П.П.Р.) планово-предупредительный ремонт. И только утром 28-го октября наконец, то раздалась долгожданная команда "На места выходить, с якоря и швартовов снимать".

Медленно, как бы с неохотой, корабль "Волга" из бухты, направляется в район Черноморского моря и моря Флорес для обкатки машин и механизмов.

День был осенний, не то чтобы пасмурный и очень холодный, но и не летний. У всех было приподнятое настроение. Уж слишком всех доканало сидеть на 10-й бочке и возмущало до чертиков

надоевшая однообразная работа. Команды выполнялись с боковой охотой, дейко и бодейко. Машины и механизмы исправлялись на всех режимах работ. Все учебно-боевое, а то и боевое, "химические" и много много других шрево выполнялись без суеты, по-деловому, тувийковалось как-то большое снара-ние всего снарядного экипажа и безукоризненного знания своих обязанностей на боевых постах и взаимозаменяемостью при выработке живучести корабля.



День был трудный, все мы германски устали. К вечеру мы вернулись в базу. После найтовки корабля объявили о переходе всех служб и команд на базовой графике вахт и работ, а свободные от несения служб готовились к увольнению на берег. Найтовки среди майфров разделились; тем, кому выпала фортуна получить долгожданную эстон то-есть увольнительную, были в восторге, ну, а тем кому пришлось оставаться, были, конечно, приговоренного найтрования. В это время я ходил еще в "салагах" и по традиции, бытующей среди моряков, ходил на берег последний. Так, что я отомшел ко второй российской экипаже.

Обстановка к этому времени на корабле была сложной. Дело в том, что по решению правительств в союзном масштабе на флотях сокращали срок службы для сформирован и рядового состава с 5 до 4 лет. В связи с тем в короткий срок надо было увольнять в запас майфров последнего и предпоследнего сроков службы, тем самым лишиться опытных специалистов, которых удержать отрядом, конечно, мы по кадетству, и не по командному подготавливать не могли. И... было принято решение, готовить специалистов прямо на кораблях. В результате того на корабле оказались почти два экипажа, включая курсантов мореходных училищ да плюс весь обслуживающий персонал штаба флоты, прибывших на комиссию выхода корабля в море. Визор выглядел как перед высадкой большого десанта. Сформированы и офицеры наших по кораблю с разного рода списками. Но и дело раздавали команды на построение и перемены вновь прибывшего пополнения, (бывших солдат) которых не успели на берегу полностью переодеть в флотскую форму.

Некая из них сидела и купалась в бане. Истории о нашей бане. Она в нашей корабельной дружине занимала особое место. Представляю себе помещение 16-18 м<sup>2</sup> куда в банной день вытаскивались 20-30 человек, которые должны уметь за 40 минут перекутаться, постираться постелить белье и свои личные вещи. Приходилось буквально стоять прижавшись друг к другу (как в городском общественном транспорте в час пик), нагибать в подмытых руках конечности пройтись или одну из шпатель, когда другая часть тела была уже у ног в гудено-молочной воде. В нашем 32-м кубрике, который был расположен в кормовой части корабля в наклонной секции, происходило ири-оидение: майорский-дизельный, трюмные машинисты и электрики. Теснота была немалая. Стало приходилось в несколько дружок на подвесных койках тиснуть. Гамак. Нежелательные были "сатарки", которые стали на фундуках. Лично принимали в ири-оиде. Сначала еще "годки", потом мы "самы" и были в конце молодое поколение, которых даже самими не могли было назвать. Корабль был большой и старый. Его длина составляла 197 метров при ширине 30 метров. В нижней палубе по всей длине корабля по обеим бортам проходились два коридора, которые являлись одной из придел, а, возможно, и главной приделной галереи корабля. Но это было потом, а пока была эта масса народа, располагалась на носовом, занимая коридоры и все проходы нижней палубы, а кому не повезло с местом внизу, устраивались на спардеке у шестой трубы. Притиснувшись к нашей оидеиному грунту из вновь прибывших майоров

раскормились в цепном ящике. Люди ели  
 даже у Коллинса голуба и ели кобы колу  
 ботки необходимой пайки по мере, считая  
 через шло сидения. Я описал эту вихватную  
 сцену из обычных событий последнего дня для того, чтобы  
 вы, Ольга Васильевна, и те, кто будет читать эти запи-  
 си, могли понять и оценить в каких условиях находи-  
 лось командование кораблем и в часовой командир  
 БЧ-5 капитан III ранга Матусевич. Я не огово-  
 рился. Вам муж, инженер-капитан III ранга  
 исполнил обязанности командира БЧ-5 инженер-  
 капитана II ранга <sup>Васильев</sup> ~~Иванова~~ ушедшего в отпуск.  
 и все то же самое. Ответственной за судьбу  
 людей и корабля легли на его плечи. Он и его  
 подчиненные вели ожесточенное сражение  
 с напуганными и всеокружающими. Тонны  
 воды. Они сражались за жизнь и насмерть после взрыва  
 напуганная вода. Все зашло на корабле.  
 Последнее баркас с увлечением придался  
 к шраму. Доложив дежурному по кораблю и  
 став женой, майором быстро расходился по своим  
 рубрикам. Освободившиеся баркас швартова-  
 лись под "вспрыски". Живого не предвещало  
 близкой шрагиде, но она надвигалась, как  
 рок, как молот, женой и безотрадной.  
 Внизу возле библиотеки вспрыскивались те, кому  
 засыпать на свою вахту. Инструкцией проводил  
 ей сам я I ой ешайся Деточка, вотлиди от  
 фамилии он был богатого русского и смелый.  
 Среди засыпавших <sup>вотлиди</sup> мои товарищи по отде-  
 лению и рубрике. Миша Ивеев, мой друг засыпав  
 в первую швартовую эл. ешайся, который  
 находилась в носовой части корабля, Вася Тиссе-  
 ный и мой годок Силмошка, засыпав дневальным.



по нашему кубрику. Мы ушли в 40<sup>00</sup> электролюкс на карабейной, только в разных фойтах и разных профессиях. Я встал мойщиком-дизельной флот, а он отключил машинистом. Случившись в кубрик в потемках раскочкавал свою постель, закрепи ее за гак второго яруса и, перекинувшись, взобрался на нее, балансируя всем телом, как на плохо оседланной лошади. Уф, много неприятели, она мне прилепала, так что случилось при малейшем повороте во время сна срываться вниз по дороге выходя из седла, подвешивая кровавый изрезанный товарный. После того, в кубрике поднимался невообразимый переполох, который долго не утихал. В кубрике все погружилось в сон. Один лишь дневальной Семюшка, сидя у ноглика, сладко похрапывал. И, в эту ночь мне сурово было еще раз зреться вниз, но уже не по левой вышке... Корабль сильно поворочился, и я оказался раскочкарованным на палубе в кубрике. Неожиданно и не собираясь, что случилось... и пока я вставала с пола аварийного яруса, схватив в охапку свою рубку, упав ноги в прогары (род ботинок), я метнулась к ярусу на выход и здесь меня накрыл сигнал боевой тревоги. Обогнув бортовой главного командирской башни и пробежав небольшое расстояние по адмираловскому коридору, я дошла входа нашего 29<sup>го</sup> боевого поста, коридорной 4<sup>ой</sup> аварийной электропитанием и на поручнях с 15<sup>ти</sup> метровой высотой финишировала вниз, где сходу загудела свой дизель 6-га №4 и согласно тревогам, без прогрева набрал полную обороты. Одновременно со мной в каюту вошел старший матрос и мой наставник мина Радвинин, который заведовал дизель-генератором №3. В каюту один за другим появились: наш командир отделения мойщиков старшина II<sup>ой</sup> статьи и Александр Умлаков и Санька Цветков-старший матрос (у нас в отделении были два цветковых: Михаил и Санька одноклассники)

скаришина вийшов сійачи Шмайков доложив в пось  
эмергейшкы... "Боевой пост 29 к бою гойов", и проши далшней-  
ших указаний. Спустих нескольких минут, пошлугил  
приказ командира Матусевича. Запускайть дизель,  
пріймийте на изит нарузку. Станійчико не покидають,  
Шмайков врубив на электроцифру рубильник и с этой  
минуты ~~в~~ электроэнергия на корабле пошлугала от  
нас ~~и~~ до конца.

Немного успокоившись, сїаче соображають, что же произошло.  
Взрыва я не слышала, только почувствовала сильный  
толчок, скинувший меня с койки. На корабле врозь  
тихо, ни света ни шума. Нїчо-то wskazав моты, что  
арсенал в шотольне взорвался на берегу, и может  
какой-то корабль? Были wskazаны разные предположения.  
Все, что угодно, но никто не подумал, что это случилось  
у нас на линкоре. Все выяснилось только тогда, когда  
в сїачице случилась: скаришина 1-ой сїачты Феточка,  
скаришина 2-ой сїачты - электрик Юрий Воронков и  
сильные пидьеры майросов, наконец похода пришед-  
ших на корабль. Все они были мокрими и сильно дрожами  
от холода эта пидьерка. Мы шїй же их переодели  
и укутали всеми чем могли.

Взрав пришедшая в носовой части корабля, между волноре-  
зом и барбетом главного калибра первой башни, прошив  
все палубы насквозь. В этой чудовищной дыре погибли:  
все шїе, кїсо нес вахїу в первой электрошлюпке,  
пошїи все мужкоманда, в живых ошлалась только, кото-  
рый в этой момент находилась в другом месте на  
корабле. Из пидьерей майросов, расположенных  
в цетноме дычке удалось спасти шїе пидьерок,  
о которых я вообще не знала. Среди погибших был и наш  
лицца Цвейков. Наш общий любитель и ошлегкой това-  
рищ, который никогда не унывал и всегда чем-то увлекался.



Юнгой пришел он на флот 5 лет назад. Гасно через айбсем. он делал своим танам. после демобилизации, он ездил по Ленинграду и говорил: "Как вернусь, то обязательно пройду несколько вдов и потеряю весь город, пройду по всем улицам и закоулкам". Недолго до гибели ему было присвоено звание юнармейского майора. Полном на похоронения он скромно умолялся и застенчиво говорил: "Моя я здесь не нужен, я даже не знаю где это мне дали эту "похорону". Эта чудовищная смерть известна, поразила нас. У меня в глазах застыли маленькие, маленькие слезки. Я боялся произнести слово, с которым мог врываться в мир рождения. В голове не укладывалось, что его уже нет. Как так, почему? Кому нужна была эта немалая смерть? Бойца шло бой, понятно, но сейчас... Это была первая жертва на корабле, но последние. Оставив Воронкова несим вахту, Дядюшка пошел в свой эскадрильи.

Наша установка размещалась в объеме довольно просторной оаке между бортами, приблизительно 16x16 метров, где помещались два дизельгенератора с мощностью 150 киловатт каждый и входили параллельно, большой электро-изит, водоводные помпы, валы климатизов, а под подолоком (потолок) были установлены две цистерны: одна для дизельного топлива, другая для дизельного масла и еще находилось ходовое топливо в трюмных танках. Между водной наружной обшивкой корабля и внутренней обшивкой, по правому и левому бортам находились кладовые запаса топлива. В кладовых имелся кокс, который заправлялся мазутиными медными барами. Внутренние кладовые были горючие с люками "33", отрывав которые можно было попасть в межdeckное пространство. В установке была глубокая установка,

с крутио опускающимися зигзагообразными трапами, между которыми была решедтайная переходная площадка с небольшим проходом в ней. Через переборку находилось функциональное отделение.

Дизель работал в полную нагрузку, выдавая свои 300 киловатт, жизненно необходимые кораблю.

Из четырех епитимий, только одна наша действовала. Первая пошла под взрыв... две главные турбогенераторные епитимии, расположенные в средней части корабля, бездействовали, так как из восьми главных килей только два были под парами, в остальных медоетайно было пара для работы турбин. Была предпринята попытка поднять пар в оетайных килеях, которые обесточили бы и меевтрикованное корабль, но для этого нужно было время, а его уже небыло... да и винты уже были над водой.

Вначале мы не ощущали каких-либо изменений в положении корабля. Продолжали выполнять свои обязанности. Я и Лийвинен у своих дизелей, Самма Чвейков проверял состояние всех возможных механизмов и системы турбопроводов, Шмайтков тоже-то записывал в вахтенный журнал. Случилось некоторое время... епитимия записана крен в нос и правый борт, который епитимия увеличивался прямо на глазах. Вдруг, крен в правый борт заострился, а потом медленно, медленно епитимия возвращался в исходное положение сопровождаемой зухойкой и скрежетом корпуса корабля. Лийков носом уходил под воду все больше и больше при этом морасе уже на левый борт. Не случайно бортовой крен изменился, о чем мы узнали много позже будучи уже на берегу. Дело в том, что бортовые находились мадутьные и епитимия боковой епитимией и для действующей дифференциальной епитимии перекачивали епитимию с правой епитимии в левую и, визиты, перекачали...

«Майфос Лемберг, умоляю я голос Шмайкова —  
Доберийсь по шахте вверх, подымийсь свейовой  
мок и посморийсь, что там делается.»

Вернувшись, я доложил: На верхней палубе, в носу,  
все спокойно и что по правому борту дергается за  
леска, вогнувшись майфоса. Видайт, мой доклад  
его не удовлетворил, так как он вернулся к телефону  
и стал настойчиво добиваться связи с постом энерге-  
йшки. В таком положении с каждой минутой  
ухудшалось, крен внос и на левой борт становился  
все больше и больше. Прибор на двигателе показал,  
что давление масла падает, а температура воды  
достигла допустимого предела  $95^{\circ}$ . По инструкции  
на объектах были немедленно основаны двигатели, но  
сейчас были другие обстоятельства, которые мог разрешить  
только командир возглавляющий пост энергетик.  
А связь с постом все нет и нет. Тогда Шмайков принял  
решение отлучиться в пост энергетик и лично до-  
ложить обстановку на 29-м боевом посту. С ним, взяв  
две комманды для масла, пошел и Санка Цветков.

Положение становилось крайнѣм, я тогда лежал  
на койке прибор и для малейшего передвижения  
в правую сторону приходилось подниматься на  
близких, как на перекладных. Волнение нарастало,  
если нас назад мы вели себя относительно бездельно,  
сидящая в ожидании храбрее, то теперь было уже  
не до этого, ейчас закрывался в дупу. Казалось, что  
о нас забыли. Мы находимся в полной изоляции от все-  
мих мира, окруженные водой глупыми переборка-  
ми на большой глубине. В итоге, без связи и неизвестном  
положении на всем корабле, казалось, что корабль покинут  
и лишь только мы одни на нем. Ни один из нас, ни  
словом, ни действии не проявил желания покинуть  
без приказа боевой пост. Даже наши старые молодцы матро



сов, которые мы несли вахту и по пути дема, приказ командира на них не распространялся сидеть тихо в углу каюты. Сиренка интеркомента приближалась к отметке 100°. Пресная вода циркулирующая в двигателе уже не охлаждалась забортной водой, так-как приешной кингстон забортной воды был к этому времени над водой. Я был в растерянности и молча повторил: Боже мой! Боже мой! что делать? Вой, вой перегреется мотор и закипит поршина, потавшись подшипники, что будешь! Везде будешь судить! Мелькнула мысль. Криду. Литвин, что делать? А, ничего не делать, ойвейт к он. Все равно сити поглотит на входной проем, надеюсь, что вой, вой за нами придут и действительно в проеме показались Александр Сидатков, а за ними вход на трапе Сидя Чвейков. Они ситали кричать и махали руками, приказывая покинуть боевой пост. Уверившись, что их сигнал пойдит, постелили на выход, за ними пошел довамо и наши новые друзья. Мы в-проем-Воронков Литвинов и я-несколько замешкались у механизмов, не зная, что мы их ойтамовший, йоме мей, но потом как по команде махнули на все рукой... Преодолев крутой уклон, спрыгиваясь и падаю на скользких платформах, рванулись к выходу догоня своих, которые пойдя по походу ребром лезавшему трапу вырвались наружу, но было уже слишком поздно. Со сиренками скрежетом и грохотом корабль ложился на борт. Нагнал светопредставление, что-то невообразимое для человеческого восприятия. Мелькнули последние вспышки света, взрыв в последний раз, джелем зажегся. Корабль лег на борт и замер на какойто мигновение, как бы раздуваясь, что делать дальше... и решившись сити переформировываясь вверх кишелем. Вода хлопнувшая из шахты с огромной силой, сжимающая на своем пути все и вся, бросала

и переформативала нас словно щетки в бурлящем потоке. Сверху в нас летели софьявшиеся листы покров и все это небожно закрестилось. Из поврежденных шрубовровов со свистом и шепетом ворвались шарики пара. Смешавшаяся вода с соляной и маслом, подавала удерживалась за какой-нибудь предмет. Пальцы рук склонились, словно естественные лопатки. Все это сопровождалось громоподобным грохотом. Волос на голове невелился от охватившего меня ужаса.

Понимательно итак. займись. Появилась возможность ошощенно думать, соблазнай. Появилось радостное ощущение физики, изнутри голос кричал, жив! жив! прощай! Неотъемлемо думать, а это давай!!! Займись. Только за бортом еще раздавались звуки подбывае при ветровом подложки.

В ситуации кроменая шва, только прибором фосфоризацией, как бы создавая звездное небо.

Раздались голоса срывающие всех, кто оказался в ситуации. Наощуть нашим более-менее возвышенное место, куда сйали собираться все обитатели ойска. Воронков произвел перекладку. нас оказалось семь человек.

Юрий Воронков, Александр Михайлов, Рейверфорд (к софьям, ни имен, ни фамилий я не знаю) и я.

Вода продолжала прибывать поистенно создавая давление воздуха, как в перевернутой консервной банке сйали погрузе в воде, измазанное маслом, маслом, соляной и герметизацией еще герметизации. Поистенно приходили в себя. Михаил, говорил я, давай попробуем промаршрут через шахту на выход. Я оставил шва ойкротил своей шва. Ну что ж, давай...

Разделись до шрубов, шруба Михаил я за ним...

Промолотное ко мейфам мейфам, губительное давление в ушах нарастало с каждым мейфом, вода со мной вляея, вайкивая назад, все шрубней и шрубней

сидящимся преодолевать иголку воды, а воздух в ледках на преземе, но жеманье вожжиго гонимый меня все глубже и глубже. Инейникт скрабыйан своевременно и я повернула назад. Руками уперся в переходную тирюдаку, ишу переход в ней и нелому наизунайсе. Сиди шараккайтсея во все еиоформот, нейт перехода и все. Воздуху не оеиалося грудо болмо фаетиравей, в тарах красного кружи. Сиди сквозе зуба цедийт солемо-горькую воду. Думаю может настити, но как обадно бавает, в самой крестидеский момент прихотий избавление. Оцаранав тлого на пошеднем, изухамми, ойтполкмувишсе об фетийку ногам - ринувся вверх, по дороге тлобид кокийейтв из мадуит, соларки и вода. Михаил ботт уфее в еитан-ции. Где мы разминулись в шахте, а шак и не поиди. Мено ипоинило ой ватийотго. Немного ойдошавишс предложени побийотийт потийку. Да, ну его, одного ража хваийот, сказал он.

В насидувившей тмешине, сквозе переборки, не ипо в районе мадуитмах крестидов, не ипо в ружигельном отсеке поштивалишс голоса. Вроде потий - сказал кийотмо в иеимотие. И везд и вправу потий и вроде "Варийтот" сказал Воронков. Песня все громде и громде набирала силу "Последней парад насидунаает!". В песню втисейталишс ойденотные голоса "За Ситалина, за Розину мы пошбавем, "Прощайтте товарищи!"

В эиотм прощальном набатие, несийротных окрипишс голосов - считался призыв к ветной жизни и иоска по всему - тому, что оеиалося за борийотм, там... далеко на берегу. Кажалось, кийот каждый потийотий своим голосом физидески поднималей обесимившего итоварища. Эиот ботт крик души обреченных, но не подавившейся панике людей.

Вотто оеен холодно, зубт ибивалишс мелкую гегейку. Нийот



не знал, сколько прошло времени с момента кайн-  
ейрофа. Прервав свои размышления, обратился к  
Лийвинову. Решаю! Что будем делать, если ли выход  
из нашего положения? "Богу душу отдавай" будем,  
раздраженно "успокоил" он. Вообще он и раньше не  
отличался многоговоривостью, а теперь и подавно.  
А им ведь, Михаил добросовестно промучился в этой  
ситуации более трех лет! показав Воронков и прекра-  
сно знает каждый винтик в этой ситуации.  
Подумай пожалуйста!... Да, еще вроде можешь одна,  
через кингстон попытайся войти. Помогав, считал он  
всех рассуждающих: с левого борта. пришедший кинг-  
стон, следовательно на нем сетка снаружи, да и  
диаметр небольшой, а вой с правого борта олимпийской  
кингстон большого диаметра, приблизился только  
девятисот миллиметров и это главное снаружи  
ней сетки. Вой одного я не помню, есть ли он нас  
в медленном просейрании проходах сквоз испанскую  
к. нем. Вой видно какой то слабый, похвалил его  
Воронков, а говорил "богу душу отдавай". Уже ней!  
рано еще, мы еще поборемся! воскликнул он.  
Для задуманного нужен был инвентарь, который нахо-  
дился в двух веревках закрепленных к палубе ситами  
и сидел веселыми над нами на уровне голы.  
Пробравшись к ним обнаружиле по дну амбарные  
размеры. Принадлежности; один итальянский машинист  
ам, другой нам, мойоринский. Бывало в кубике  
деньги лежали в открытую и было много  
хитрости, а вой инвентарный... Зег греха имать,  
искажи друг у друга, а теперь эта пересейривка  
согнала в нашей судьбе злую шутку. Расселись по  
ойску в поисках фидата, гител сохранила запись, и таковой  
написал. Сохранила запись на одном из веревков мы соорудили  
мне развешивали кингстон, зубилом и молотком.

Ойдранив бапанки мока правой переборки, мы проникли в кладовую заткающей, в которой над головой наизумали горюхины с мильрою "Ээ", намерившись зайти мушкетер по окружению болячки, покрывавшей многослойной краской, так-как годили их не йревожени, где догос. мильрою создавало йревожени при их ойкруживании. Но вой, все порази. Ойдранив мока, мы могад друг, друг, взобрались в междомное проейранство и с шириной сердца перемахивая через ворота в плангоуях, направились за Михаилом в ойрану кингетона, мога судьбу увидели его в зоне нашего ойсека. За йреотни или гейвериймо и плангоуям мока к нашей болячке радости наизумали кингетон за койором и оказавшись глухой и плангоуям, которого мы опасались, увидели через кингетонном закрывавшего нас путь к спасению.

Кингетон представлял собой эллипсообразную йрубку, охватывавшую миллиметров в самой широкой части диаметр и высотой более метра ой основанию, к которой на йридалий двух боляках закреплены клинкой, ой которого ойходила йрубка меньшего диаметра приблизительно двести миллиметров в диаметре соединявшаяся с клинкой флажками. Ой клин в ойании мога фессора (вал) завершающаяся барикой и мушкетер в основном для ойотпемия ойсека. Все это нам предияло ойсоединить ойсоединяя путь к спасению.

Работали с какими-то ойсервентомом. Раздвигая клинкой вали из ойроа так-как при болячей нагрузке расхотелся, приходилось его йсключивать в завершающей ойади... Пришлось по ойреде в томной йсключить не йада рук ойудоватый зубилом и могайком ойсоевавая у кингетона гайку за гайкой. Воконков расади цеметкой гейверах майрисов ой входа в междомное

проникновенно, следил за повышением уровня воды, который к этому времени займил сиванский. Работать сиванови-  
лось все трудней и трудней. Вдвигать пош дмивал глаза, руки  
и ноги дрожали от переутомления, раны и ссадины болями  
и ныли, в висках сиванови а уши словно ватой заложено.  
Сивану становилось все чаще и чаще. Работать хотело и мезе-  
нно по все же продвигалось. Снаружи слышались глухие  
удары по днищу корабля, постепенно приближаясь  
к нашей сиванови. По сиванови и над нами, я молодой  
отвечал, так по сиванови несколько раз, пошом  
собразив, что возмущено индифферентной коммандой  
моря в отсеке отсидел семь раз. На этом наши  
переговоры окончились. Решили, что это водолаз.  
"О том, что мы под водой у нас было никаких сомнений,  
так-как над нами слышно были проходящее кайсера.  
Уже была отсоздана фессора (вал) ведущая в сиванови,  
открылись все болты вокруг кинкесна, остались только  
два слегка наклоненных болта и был слышен последний  
болт с фланца отводящей шпиль. Вдруг слышны  
прорезав резкий звук подобный сверлению. Мы внаглую  
опенили, не понимая его значения, пошом поняли  
что это вырывается воздух из нашего отсека в образо-  
вавшийся зазор между фланцами. Давление стало,  
и мы сами облегив наше положение, но слышно  
в себе еще большую огласку запертыми водой в  
образовавшуюся пустоту. Семь вокруг кинкесна;  
сиванови обуревают создавшееся положение. Присили к  
заключению, что если мгновенно сбросить кинкес  
то есть какой-то шанс, пока вода будет заперта  
отсек воскопает наружу. Воронков пронестружирован  
каждого, в каком порядке и кто за кем идет, кому с  
какой сиванови сиванови. Сами он вставал идти последним.  
Присилившись, окружили кинкесу и сиванови его большую  
индифферент с сиванови сиванови. Поправлялись друг с другом,



поменялись адресами на всякий случай, после чего  
 ей пришлось медленнее отъезжать. Нахлебавшись чаю  
 подержавшая фукалки кинжалом дабы он не утонул на  
 ноги, но шуршавшее неслыханное. Освобожденный  
 кинжалом как бить, так и шуршать. Одиозно ей  
 его расхлебывать пошарив результат, пришедшим  
 ветологический фотос не помогло и тогда прене-  
 бретаю опасностью попасья под свавильный кинжал  
 мы все из помешанных на нас наемного, колотили  
 в эрозии кулаками, гудели не фотоса ей безглас-  
 ностью и обиды, но все было так. Проклятый  
 свитковый сурик между прокладками, намертво  
 приварив кинжал к горловине, мыши нас поме-  
 дней надежда на спасение. Мы свалились, в конце измо-  
 женное, каждая где шло не вела больше сопротивле-  
 ния неизбежному... Один Воронков еще находил в  
 себе силы обходить каждого и добрым словом воодушевлял  
 нас, говоря: Нам стасья, вой увидишь, ведь не сирота  
 сидишь сверху, там знаешь, где мы здесь.  
 Через все эти годы я пронес самое теплое чувство  
 к этому человеку. Сколько в нем было душевной силы  
 благородства и душевной доброты, что не всем  
 к сожалению дано. Не даром народная мудрость  
 говорит.

" В шумной беседе друзей познаешь.  
 Друзья узнаешь в беде.  
 Коль горе нагрянет."

Тот друг, кто поможет в беде!

Я ей и пишу второй счастливый Воронкова  
 знал совсем мало, так-как он служил в другом  
 совсем пошу, но емко мне пришлось выбирать  
 командира, но лучшего я не хотел.

Неожиданною толкнуто иммигрантским ударом  
 по колену. Встав, я между шпангоутами

монойком просейудал круг, какимто гудением угадав, где он нас истребует. И отянул, как и в той раз сиюк прекратился. Сидим, молчим, кругом давящая тишина. Каждый занят своим мыслями о предстоящем и о неисполненных желаниях. Как вдруг!.. над головой вспыхнула как магний яркая дуга боли в глазах своей. Это было так неожиданно, что я решил, беззастенчивая взорвалась, но голубой вздох пламени разрешил все сомнения и широким размахом со мной и я вместе с ними в одном порыве, срывая голоса закричали: «ура! ура! мы спасены!» Пламя на резке мгновенно и тихо погасло, выдвигая из-за разности в давлении. Дым большим хлопком скатывался в отсеке. Сидим задыхаясь и кашляя, о чем сообщим наверх. Тогда ниже первоначально нашей резки, прорезали отверстие в который протусили пламя подающий воздух. После этого вооружили действительно просейорный лок, через который нас по узинке подняли за руки наверх. Мы стояли на крошечном острове вешенной с кийовой степью и шамшер шлопки кадала у наших ног. Не яркое солнце сияло уже довольно высоко в небе, а мы имели, радуясь вновь обретенной жизни!

Здесь я заканчиваю мои воспоминания о лично пережитом с хронологической точностью, как бы прокручивая кинементу тех далеких по времени но близких по памяти времен.

Из разрозненных рассказов очевидцев, узнав о трагических событиях, развернувшихся в эту ночь на корабле за предельно короткий срок.

Ваш муж инженер-капитан ирландского флота Эдмунд Михайлович Майнхейм командовал спасательным мотом и кораблем, находясь в главном машинном отделении. Когда вода

считаю их замечательными, подлинными приключениями и по-настоящему поэтичными, на них можно жить...

"Мои люди на боевых позициях и мое место здесь, добровольцами сражайся, охотнейшим поимейте поэзию!"  
Так героически погиб наш командир БЧ-5 инженер капитан ирландского флота Вилли Макхейлов и Массейусев.

Сейчас на второй этаж, мой командир отдельный Александр Шмаков и старший майор Александр (Саша) Цвейков погибли, застрелив в районе адмиральских коридоров, не успев выскочить наружу.

Вашинский Пассажирский погиб не выдержав переполнен давленности (это версия ирландской убитости)

Всегда помните и мы. Пусть земля им будет легкой!

Сейчас, наш дневальный по кубрику, один в изоляции многих суток тавал лежал на шлюзовых один на другой пробитых майраках. Когда водолазы его обнаружили в кубрике, он был погребен прижатым к полу. Пользуясь "ИСМОН-5" (тип акваланга), выскочил наружу.

После этого он долго находился в госпитале, говорили, что не говорил и белеет, как лунь.

Один из наших погибших майоров, пострадавших в след за Шмаковым и Цвейковым, который вошел в проем адмиральских коридоров, не пошел за ними, а поднялся по коридору итрагу к открытому свейскому люку и как он потом рассказывал "Вылезло из окна и сел на сиденье главного комбара, оттолкнулся и прогнулся".  
После я служил на крейсере "Фрунзе" в отдельном глав. средстве. В дальнейшем служба на ЭСР № 58 в гор. Котте отсюда и демобилизовался в 1957 году.

Родился я в 1934 году 15 октября (по документам 5-12-35г) в гор. Тирасполе и нарекли меня Ивэй. Когда совсем стал старшим, стали величать уже полным именем Ильей Исааковичем Лемберг. Женился на Любиме в 1958 году и шее в гор. Тирасполе мэр.



с 1961 по 1979 года проживали в Кембридже, откуда в 1979 г. уехали в США г. Нью-Йорк. Вой уже более интимней лей с женой Любой живем дружно в согласии. Выполнили двух детей: сына Владимира, 1960 года рождения, и дочь Сабина, 1968 года. Сын успешно закончил камеджу, а дочь в школе окончила ее, оба они преобразили профессию компьютерщиков. Сын женился, а дочь вышла замуж. Они работают в крупных фирмах, получают зарплату. Ну... а мы, то-есть я и Люба, трудимся, она работает в банке а я в сфере обслуживания.

Вой уже два года как мы с вами дед да баба. У нас раскрасилась внучка Даниелочка. В олимпийском перформансе Молодежи Алексея которой писал, что "люди до пятидесяти лет (у него до 35 лет) идут на базар, а с пятидесяти с базара". Так и мы живем, радуемся успехам наших детей и близких. Собираемся по возможности больше съездить и, наверно, увидим мир во всей его красоте. В пределах нормы болеем. В общем ведем себя как и все нормальные люди нашего возраста. Сейчас, Ольга Васильевна, хочу с вами познакомиться и от нашей большой семьи, пожелаю всем вам, всех благ, здоровья и успехов в вашем задуманном деле. Как у Князя Ивана Семёнова... "Возраст должен быть женским и мужским". Любите, буду рад читать Ваши письма.

Best of Luck. 30/X 1988г.

г. Нью-Йорк. Ilya Lemberg

P.S.

мой полный адрес: 2825 W 12 apt. 7<sup>th</sup> Brooklyn N.Y.  
11224, USA.

тел. код (1-718) 265-6711.